

бы обвинчалась противозаконно съ пономаремъ села Березина Андреемъ Сафоновымъ, и объ разныхъ азартныхъ поступкахъ, учиненныхъ тѣмъ подсудимымъ Бесомышнымъ со своимъ тестемъ, женою и другими прикосновенными къ оному дѣлу лицами.»

Алексѣй Раменскій.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

=

БЕНПО.

=

ВЕНЕЦІЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(Вольный переводъ изъ сочиненій Байрона).

—

I.

Читатель знаешь, безъ сомнѣнья,
Что въ католическихъ земляхъ,
Передъ постомъ, увеселенья
Съ ума всѣхъ сводятъ, такъ, что страхъ!
Но вторникъ масляной чуть минулъ,
И постъ великій наступилъ,
Папистъ безумье позабылъ
И маску шутовскую скинулъ;
Замолкли пляски и прыги,
Конецъ забавамъ съ той поры.

II.

Но мы на масляной недѣлѣ.
 Ночь темная, влюбленныхъ ночь,
 Покрыла небо; закипѣли
 Сердца восторгомъ; цѣпи — прочь!
 Ихъ дежь жеманный налагаетъ.
 Шумъ, хохоть, шопоть страстныхъ паръ,
 Рулады, пѣсни, звонъ гитаръ,
 Веселость рѣзвая летаетъ;
 У всѣхъ на мысли цѣль одна —
 Изчерпать радости до дна.

III.

Великолѣпные костюмы
 Мелькають, пестротой своей
 Взоръ развлекають, гонятъ думы,
 Забавягъ вычурой затѣй;
 Евреи, Турки, Персіяне,
 Народы всѣхъ земель, вѣковъ,
 Между паяцовъ и шутовъ,
 Кипягъ какъ волны въ океанѣ;
 И пискъ, и визгъ, и хохотня,
 И шорохъ ногъ, и толкотня!...

IV.

Италянцы *Carnavale*
 Свой шумный праздникъ нарекли;
 И очень кстати: Carne, vale!
 Прощай, мясное!... Чуть прошли
 Дни шумные забавъ, и клики
 Затихли тостовъ съ звономъ чаръ —
 Веселья шумнаго разгаръ
 Вдругъ погашаетъ постъ великій.
 Кривлявьямъ, глупостямъ конецъ!
 Народъ сурьезенъ, какъ мудрецъ.

V.

Но почему бы предаваться
 Такимъ забавамъ предъ постомъ?
 Задача трудная, признаться,
 Неразрѣшная умомъ!
 Не потому ли, какъ и съ нами
 Бываетъ вообще, когда,
 На долго или навсегда,
 Должны разстаться мы съ друзьями,
 Последній часъ разлуки той
 Мы запиваемъ — круговой.

VI.

Но мы оставимъ отступленье,
 И лучше къ дѣлу перейдемъ;
 Расскажемъ, что за приключенье
 Разъ было въ карнавалъ! О томъ,
 Что не бывало карнавала
 Нигдѣ шумнѣй, ни веселѣй,
 Ни вычурнѣй на-счетъ затѣй,
 Какъ карнавалы, что давала
 Венецья нѣкогда, — весь свѣтъ
 О томъ ужъ знаетъ, спору нѣтъ!

VII.

Такъ и минуя описанья, —
 Чтобъ не измучить, не равно,
 Моихъ читателей вниманья! —
 Какъ въ-старину, давнымъ давно,
 Венецья задавала балы
 И веселялася на нихъ,
 Подъ маской, — для своихъ интригъ,
 Въ свои былые карнавалы, —
 Въ тѣ времена ея проказъ,
 Перенесемъ мы свой рассказъ.

VIII.

Лишь надо помнить, что столицы
 Красивѣй не было тогда,
 И прелестямъ морей царицы
 Всѣ поклонялись города.
 Да и теперь, скажите сами,
 Гдѣ отыскать красивѣй ихъ
 Венеціянокъ огневыхъ,
 Съ такими сильными страстями.
 Съ одушевленной красотой?
 Лишь развѣ — въ Греціи одной!

IX.

Что за черты и выраженье
 Божественно прекрасныхъ лицъ!
 Въ очахъ — все нѣги упоенье,
 Подъ чернымъ пологомъ рѣвнищъ.
 Но полюбуйтесь, какъ мило,
 Когда вотъ выйдутъ на балконъ,
 Взоръ пылкой страстью распаленъ!
 И на чугуныя перилы
 Облокотясь, онѣ стоятъ.
 Внимая звукамъ серенадъ.

X.

Кисть Тиціана ихъ прекрасно
 Изобразила на холстѣ.
 Но это — скицы! и напрасно
 По нимъ судить о красотѣ
 Венеціянокъ, какъ созданій
 Самой природы! Вамъ портретъ
 Лишь очеркъ передать; но нѣтъ
 Въ немъ полноты, всѣхъ сочетаній
 Любви и жизни, какъ бы онъ
 Удачно ни былъ начерченъ.

XI.

Еще вотъ только у Джорджона
 Искусно схвачены черты,
 Со всю истинною тона,
 Венеціанской красоты.
 Въ дворцѣ Манфрину та картина,
 И отойти отъ ней нѣтъ силъ!
 Художникъ въ ней изобразилъ
 Три головы: свою и сына,
 Да жепскую, — жены своей, —
 Но что за женщина, ей-ей!...

XII.

Вотъ! вотъ Венеціанка! Это —
 Сама любовь! Но лишь не та,
 Что создалъ вымыселъ поэта,
 Звукъ слова, праздная мечта.
 Нѣтъ! это лучше идеала,
 Живое, просто, существо!
 И кисть художника въ него
 Влила всю душу, что дышала
 Въ излицомъ образцѣ своемъ:
 Любовь и жизнь, — все видишь въ немъ!

XIII.

Что за полнебное созданье!
 Не вѣрите своимъ глазамъ,
 Что это холсты! Очарованье
 Надъ вами полное: мечтамъ
 Вы тотчасъ предастесь. Гдѣ-то
 Случалось, кажется, знавать,
 По-крайней-мѣрѣ хоть вилать
 Лице чарующее это....
 И точно видѣли! да! да!
 Но съ нимъ простились навсегда!

XIV.

Въ дни нашей юности бываетъ:
 Взоръ устремляемъ мы на всѣхъ;
 Но мимо насъ вдругъ пролетаетъ
 Одно созданіе изъ тѣхъ
 Волшебныхъ призраковъ воздушныхъ,
 Что мы хотѣли бь уловить.
 Но вотъ — исчезло.... и забыть
 Не въ силахъ; мы, въ мечтахъ послужныхъ,
 Его докопчиваемъ видъ:
 Разлука съ нимъ насъ истомитъ!

XV.

Но возвратимся, отъ Джорджона,
 Къ Венеціанкамъ, что стоятъ
 За балюстрадою балкона,
 Внимая звукамъ серенадъ.
 Хоть часто издали, безъ спора,
 Выигриваетъ красота,
 И помогаетъ темнота
 Обману чувствъ, обману взора;
 Но всё почти что до одной,
 Опъ премилыя собой!...

XVI.

Притомъ, и то сказать: къ несчастью,
 Сердцамъ чувствительнымъ опъ
 Опасны; разжигая страстью,
 Такъ, что сгорншь, какъ на огнѣ!
 Сначала, начинаютъ глазки,
 Тамъ вздохи слѣдуютъ; потомъ,
 Заниска посланца тайкомъ;
 Доходитъ дѣло до развязки,
 И часто пылкая любовь
 Вдругъ будитъ ревность, льется кровь!

XVII.

Въ лицѣ прелестной Дездемоны
Шекспиръ чудесно описалъ
Италіянскъ; только жены,
Теперь, не тѣ, какъ онъ ихъ знаетъ.
Да и мужа не тѣ ужъ стали :
Но подозрѣнью одному
Не душатъ женъ; а потому,
Что, если бы и пожелали,
Тотчасъ явились бы у женъ
Защитники со всѣхъ сторонъ.

XVIII.

Теперь ужъ ревность Итальянца,
Когда бъ и стали ревновать,
Не та, что въ жилахъ Африканца
Кивѣла бурно: не сыскать
Отелловъ больше; всѣ друзьями,
По-философски всѣ живутъ;
Жена ль избѣнить — мужъ, какъ тутъ,
Отметить другими ей путями.....
Какъ разъ окончить съ нею расчетъ :
Къ жепѣ сосѣда подольнуть !

XIX.

Да и гондолы, какъ нарочно
Устроены для ихъ интригъ :
Что жъ за гондолы? Очень точно
Могу я описать вамъ ихъ :
Гондола — яликъ длинный, крытой ;
Корма украшена рѣзьбой ;
Ну, точно въ лодкѣ гробъ какой !
Войдешь — и все отъ глазъ тамъ скрыто.
Тутъ, стои, два гребца гребутъ :
Ихъ гондольерами зовутъ.

XX.

Гондолы эти такъ и рѣютъ
 По всѣмъ каналамъ день и ночь;
 Наружный видъ онѣ имѣютъ
 Всѣ черный, въ траурѣ точь въ точь!
 Хоть часто сцены преслѣшныя
 Бываютъ въ нихъ, — какъ и у насъ,
 Въ каретахъ траурныхъ подь часъ.
 Но отступленія такія
 Пора ужъ кончить, и начать,
 Что обѣщался разсказать.

XXI.

Былъ карнавалъ блестящій, шумной,
 Во всемъ значеніи своемъ,
 Кипя веселостью безумной.
 Между красавицъ, что на немъ
 Толпы всеіи взоры обращали,
 Была одна. Ея мнѣйи
 Тамъ не было! Какъ имя ей?
 Не помню я, положимъ, звали
 Ее Лаурой. Да въ стихахъ,
 И нужды мало въ именахъ!

XXII.

Какихъ же лѣтъ была? Прелестно
 Французское: *un certain age*,
 Опредѣляетъ тотъ извѣстной
 Красавицъ возрастъ; и нельзя жъ
 Ни пожилой, ни молодой,
 Назвать ту женщину, когда
 Ей стукнетъ за тридцать! Годы
 Тутъ счетъ теряютъ, хоть чередомъ
 Все неизмѣнною идутъ,
 И соблюдаютъ свой маршрутъ.

XXIII.

Лаура жъ свѣжестъ сохранила,
 Заботясь о красѣ своей,
 И разрушительная сила
 Злодѣя-времени надъ ней
 Лишилась всякаго вліянья!
 Со вкусомъ тщательнымъ всегда
 Была одѣта. Красота
 И такъ полна очарованья;
 Нарядъ же вдвое придаетъ
 Ей прелестей: къ ней все идетъ!

XXIV.

Къ тому жъ была Лаура дамой,
 Да и замужнею притомъ.
 Пунктъ важный! Это орифламой,
 И отъ злословія щитомъ,
 Всегда для женщины служило,
 И въ наши служить времена.
 Пусть и забылась бы она,
 Мужъ все собою прикроетъ мило...
 Но къ католическимъ землямъ
 Я это отношу, не къ намъ!

XXV.

Лаура, впрочемъ, пресогласно
 Жила съ супругомъ, и языкъ
 Злословія, для красы опасный,
 Не могъ коснуться, хоть привыкъ
 Супругъ Лауры все скитаться,
 По надобности, по дѣламъ,
 По разнымъ странствуя морямъ,
 И рѣдко дома оставаться,
 Чтобы женѣ не наскучать,
 И нѣжныхъ чувствъ не охлаждать.

XXVI.

Когда жь воротится, бывало,
 Въ свою Венецію и ждеть
 Тамъ въ карантинѣ, срокъ не малой,
 Пока супругу обойметъ,
 Она съ террасы, взоръ натужа,
 Любуется, сыскавъ скорбѣи
 Между станицей кораблей,
 Знакомымъ пакетботомъ мужа.
 А мужъ всегда ей привозилъ
 Подарки, — такъ ее любилъ!

XXVII

Онъ былъ купецъ, и велъ съ Алешномъ
 Богатый торгъ; звался же онъ
 Джюзепомъ, но женою — Бенпомъ,
 Изъ нѣжности такъ окрещенъ.
 Онъ родомъ былъ Венеціанецъ;
 Но отъ поѣздокъ на Востокъ,
 Гдѣ солнца лучъ его припекъ,
 Смуглѣи сталъ даже, чѣмъ Испанецъ,
 Хоть благородной красоты
 Не измѣнились черты.

XXVIII

Притомъ былъ дюжъ, и отъ природы
 Пресвѣтлымъ одаренъ умомъ;
 И въ обращеніи полнъ свободы,
 Былъ прелюбезнымъ морякомъ.
 Жена жь, хоть такъ же въ обращеніи
 Была свободна, какъ и онъ,
 Считалась въ свѣтъ перломъ женъ;
 И какъ ни строги въ осужденіи,
 Все полагали, что для ней
 Нѣтъ соблазнительныхъ свѣтей!

XXIX.

Но вотъ, лѣтъ нѣсколько проходитъ,
Какъ мужъ уѣхалъ, и жена
Тоскуеть; случай ихъ не сводить,
Какъ ни груститъ по немъ она!
Одни уже его считали
Погибшимъ съ кораблемъ своимъ;
По слухамъ же опять другимъ
Банкрутъ онъ сталъ, и задержали
Его долги. Такъ, по всему,
Домой ужъ не бывать ему!

XXX.

Но слышалъ я, что ихъ разлука
Претрогательная была!
Томленья тягостнаго мука
Ихъ лица грустью облила,
Какъ часъ насталъ, и съ Аріадной
Адріатической своею,
На берегу морскихъ зыбей,
Прощался Бенпо безотрадной,
Какъ—будто бы въ послѣдній разъ,
Отвѣсть отъ ней не могъ онъ глазъ!

XXXI.

Лаура, впрочемъ, поджидала
Лѣтъ нѣсколько его; потомъ,
Поплакала и порыдала,
И разсудила, что по немъ
Вздыхать и тосковать напрасно:
Нѣтъ! лучше неба не гнѣвить,
И съ твердостью переносить
Свой грустный жребій! И прекрасно!
Давно пора, а то она
Лишилась аппетита, сна!

XXXII.

Боллась дома оставаться
 Одна, чтобъ не равно, порой
 Почною, къ ней не могъ ворваться
 Покойникъ, или воръ какой!
 А наконецъ, чтобы и хуже
 Не приключилось ей чего,
 Такъ, ради страха одного,
 Подумала — о вице-мужѣ,
 Чтобъ въ немъ защитника скорѣи
 Имѣть, для слабости своей!...

XXXIII.

Но если Бепно да случайно
 Ворозится когда-нибудь.....
 Ну, что жъ? пускай! — Такъ голосъ тайной
 Шепталъ ей тихо. — Впрочемъ, будь,
 Что бъ ни было, а надо друга
 И покровителя избрать!
 И вотъ, Лаура, ставъ искать,
 Нашла себѣ полу-сунруга,
 Или защитника, пока
 Вернется мужъ издалека.

XXXIV.

Онъ былъ изъ тѣхъ, которыхъ любятъ
 Красавицы, хотя про нихъ,
 Порой, и сами жъ дурно трубятъ:
 Изъ волокитъ былъ занесенъ,
 Но знатнаго происхожденя;
 Съ титуломъ графскимъ, молодой,
 Красивъ собою, мотъ большой,
 Любитель музыки и пѣнья,
 Зналъ языки, и обо всемъ
 Судилъ онъ рѣзко и съ умомъ.

XXXV.

Въ театрѣ ли, когда, бывало,
 Вдругъ «Secatura!» вскрикнетъ онъ, —
 Ужъ пьеса та навѣкъ пропала,
 Актеръ со сцены изгнавъ вонъ!
 Зато все покрывалось славой,
 Что удостоится порой,
 Предъ любопытною толпой,
 Его рѣшительнаго *bravo!*
 И академія предъ нимъ
 Склонялася челомъ своимъ!

XXXVI

А также въ оперѣ, чуть взоромъ
 Графъ поведетъ — оркестръ дрожить,
 Чтобъ не сфальшивить полутономъ,
 И примадонна чуть стоитъ.....
 Сопрано жъ, басса и контральто,
 Отъ графскихъ взоровъ и ушей,
 Желали бъ, въ робости своей,
 Скорѣй укрыться подъ Ріальто,
 Чѣмъ слышать: *bah!* его одно:
 Такъ ужасало всѣхъ оно!

XXXVII.

Къ тому же былъ онъ покровитель
 Импровизаторовъ, и самъ
 Писалъ стихи, пѣлъ, какъ любитель,
 Романы пѣжные для дамъ;
 Художникъ былъ, повѣствователь,
 И очень ловко, какъ Французъ,
 Онъ танцовалъ; всѣхъ, словомъ, музъ
 Любимецъ былъ и обожатель;
 Ну, настоящій былъ герой,
 Презанимательный собой!

XXXVIII.

Подъ часъ красавицы бѣвають
 Такъ прихотливы, что на нихъ
 Не угодишь: зато жь мѣняютъ
 И часто рыцарей своихъ!
 Но графъ такимъ владѣлъ искусствомъ
 Всѣмъ прихотямъ ихъ угождать,
 И вѣрности не измѣнять, —
 Быть-можетъ и съ притворнымъ чувствомъ, —
 Что онъ для нихъ кумиромъ былъ,
 И ни одной не огорчилъ.

XXXIX.

Да и считалъ онъ преступленьемъ
 Красавицъ не угодить,
 И дѣломъ, словомъ, подозрѣньемъ,
 Противъ себя вооружить.
 Онъ сердце словно восковое
 Имѣлъ, что на-долго, когда
 Остынетъ, даже навсегда,
 Хранить клеймо заповѣдное:
 Такъ, охлажденіе дарить
 Всему здѣсь постоянный видъ!

XL.

По-этому и мудрено ли,
 Что женщины всѣ отъ него
 Съ ума сходили противъ воли,
 Какъ, можетъ-быть, ни отъ кого?
 Межъ-тѣмъ, чтобъ Бенно возвратился,
 И думать перестали: онъ
 Ужъ не писалъ..... Такъ и законъ
 На этотъ случай пригодился,
 Что, какъ нѣтъ слуха про него,
 Покойникомъ считать его!

XLI.

Притомъ, за Альпами, ведется
 Обычай дивнѣй, что жена, —
 Пускай читатель не смѣется! —
 Двумужницею быть вольна.
 И нынѣ все онѣ имѣютъ
 Мужей по парѣ у себя;
 Но, право, удивляюсь я,
 Какъ вывести тамъ не умѣютъ
 Такой обычай! Ужъ и къ намъ,
 Онъ не пробрался бъ по морямъ!

XLII.

Изъ этихъ двухъ мужей, законный
 Одинъ лишь первый; а второй
 Услужникъ только благосклонный,
 Или лакей жены чужой.
 Зовется жъ: *Cavalier Servente*,
 Что въ старину былъ чичисбей;
 Но имя это для ушей,
 Отъ По до Таго и по Брентъ,
 Такъ стало грубымъ, что оно
 Въ позоръ ужъ тамъ обращено.

XLIII.

О, дамы, дамы! какъ вы нами
 Играете! А между-тѣмъ,
 Мужчины, съ пылкими страстями,
 Все такъ и льнутъ къ вамъ, больше чѣмъ.....
 Простите, милыя дѣвщцы!
 Вамъ не въ обиду, дамы васъ
 Куда любезнѣ для насъ;
 И въ обществахъ онѣ царицы,
 Затѣмъ, что съ ними..... (что тавтъ!)
 О всемъ возможно говорить!.....

XLIV.

Созданья милья, конечно,
 Двицы въ существѣ своемъ:
 Но ихъ прилчья свѣта, вѣчно,
 Стѣсняють ужасъ какъ во всемъ.
 Двица такъ, порой, еробѣтъ,
 Чуть поведетъ кто слово съ ней.
 Что глазки въ землю поскорѣй,
 И до ушей все покрасѣтъ;
 И часто вымолвить, въ отвѣтъ,
 Не смѣтъ даже — да иль *путь!*

XLV.

Но обратимся къ дамамъ снова,
 И къ чичисею, что теперь
 Зовется, для смягченья слова,
 Услужливый ихъ кавалеръ.
 Съ своею дамой неразлучный,
 Отходить только слугъ воззвать
 Иль окниажъ велѣтъ подать;
 А то, всегда у ней подручный,
 Онь ей перчатки, шаль несетъ.
 И палатипъ самъ подастъ.

XLVI.

Какъ ни грѣшатъ Италіяны,
 Признаться, край ихъ я люблю,
 Гдѣ виноградъ и номеранцы
 Взоръ мацятъ; какъ въ земномъ раю
 Душа тамъ дышетъ; небо ясно,
 Картины чудныя кругомъ.
 И гдѣ языкъ такой притомъ.
 Звучитъ гармоніей прекрасной,
 Языкъ Итали, страны
 Любви и вѣги и весны!

XLVII.

Люблю я этотъ милый, гибкой
Языкъ самихъ боговъ! дитя
Латыни мощной, что съ улыбкой
На свѣтъ взглянуло, и шутя
Играсть звуками своими;
Въ стихахъ у Данта онъ гремитъ,
Въ устахъ красавицы звучитъ
Лишь поцѣлуями одними,
Богатѣй звонкихъ речемъ родникъ.
Вотъ твой, поэзія, языкъ!

XLVIII.

Но отступилъ опять, признаться,
Я отъ разсказа своего!
Но какъ, порой, и не сбиваться
Въ Италію, страждъ всего
Прекраснаго, гдѣ все такъ мило!
Гдѣ все чаруетъ сердце, взоръ!
Да и поэту ли просторъ
Сгнѣснять желѣзной волнъ силой.
И цѣни тяжкія носить?
Но ужъ пора васъ не томить!

XLIX.

И такъ Лаура замѣнила
Супруга — графомъ молодымъ;
Любовь чету благословила,
И вотъ лѣтъ шесть ужъ съ небольшимъ,
Такимъ порядкомъ, графъ съ прекрасной
Своей Лаурою живутъ;
Другъ друга любятъ и ведутъ
Разчетъ сердечный пресогласно;
Хоть иногда не безъ того,
Чтобъ не бывало кой-чего!

I.

Любовь была бѣ и слишкомъ вяла
 Безъ вспышекъ ревности порой,
 И даже скоро бѣ погасала,
 Какъ искра, дремла, подъ золой!
 И такъ, за исключеньемъ только
 Подобныхъ вспышекъ иногда,
 Рѣшительно сказать, чета
 Была счастливѣйшая, сколько
 Быть можно счастливымъ въ любви
 Преступной... какъ ни назови!

II.

Лауру графъ любилъ пристрастно,
 Она — красавица была;
 Скрывать имъ было бы напрасно
 Свои оковы: ихъ свела
 Судьба сама; она ихъ тоже
 И развести могла легко!
 Стояли жъ оба высоко;
 Та по красѣ, тотъ званьемъ! Что же
 Имъ и могло бы помѣшать
 Любить другъ друга продолжать?

III.

Одни педанты возставали
 Немного противъ связи ихъ,
 И въ адъ зараньше посылали,
 Въ желаньяхъ ревностныхъ своихъ.
 Но кажется, что ихъ желанья
 Не слишкомъ доходили въ адъ!
 Напротивъ адъ еще и радъ,
 Что бѣ люди, слабыя созданья,
 Побольше силились грѣшить,
 Да и другихъ въ соблазнъ вводить!

LIII.

Но старыхъ грѣшниковъ примѣры
 Опаснѣй тутъ чѣмъ молодыхъ:
 У нихъ пѣтъ ни любви, ни вѣры,
 А потому-то пѣтъ у нихъ
 И никакого исправленья.
 Но наши — оба въ цвѣтѣ лѣтъ,
 И вѣры оставался слѣдъ
 Въ сердцахъ у нихъ, что заблужденья
 Свои еще, когда-нибудь,
 Успѣютъ съ душъ своихъ стряхнуть

LIV.

Но карнавалъ былъ, мы сказали,
 Блестящій, шумный.... всѣ о немъ
 Уже заранѣ помышляли,
 Приготовляясь, тайкомъ,
 Какъ лучше костюмироваться,
 Чтобъ всѣхъ внимающе обратитъ;
 Лаура тоже, чтобъ не быть
 На послѣдн, приготовляясь
 Къ нему усердно приплясать,
 И туалетомъ занялась.

LV.

Хоть и не очень пужно было
 Собою заниматься ей,
 И безъ того пѣвля милой
 Красой и свѣжестью своей.
 Но свѣту какъ обычной данн
 Не заплатить? И вотъ она
 Красивѣй всѣхъ разряжена!
 Ни на одной не видно ткани
 И драгоценнѣйшихъ вещей,
 Пыльницѣй и лучше, какъ на ней!
 № 4. Отд. IV.

LVI.

Уже съ Лаурою графъ въ Ridotto....
 Что жъ за Ридотто? Какъ сказать?
 Родъ клуба это, гдѣ съ охотой
 Идтъ всякъ скуку разогнать.
 Я бѣ назвалъ это маскарадомъ,
 Затѣмъ, что въ маскахъ, въ карнавалъ,
 Туда съѣзжаются на балъ,
 И мѣщанинъ съ вельможей, рядомъ,
 Танцуютъ, ужинаютъ тамъ;
 Смѣсь общества, муштинъ и дамъ!

LVII.

Люблю я этотъ родъ собраній,
 И тамъ, толкаюсь межъ толпой,
 Свободной, безъ различья званій,
 Слѣдить за маскою шной,
 Угадывать мистификацыи,
 Когда начнутъ интриговать;
 И не подумаешь скучать,
 Любуясь, какъ костюмы націй,
 Съ паяцомъ объ руку, съ шутомъ,
 Расхаживаютъ тамъ кругомъ.

LVIII.

Среди такой толпы веселой,
 Лаурѣ весело: тутъ нѣтъ
 Той принужденности тяжелой,
 Какою дамъ стѣсняетъ свѣтъ.
 Съ улыбкой на устахъ игривой,
 Къ тому, къ другому подойти,
 Шепнуть, взять руку, увести,
 Все вольно ей, и взоръ ревнивой
 Не можетъ ничего сказать,
 И клевета должна молчать.

LIX.

Лаурѣ сдѣлалось вдругъ жарко....
 Графъ ей подноситъ лимонадъ.
 «Смотри, какъ вотъ у этой ярко
 Румяны на щекахъ горять!
 А та какъ стянута ужасно,
 Насплу дышетъ, а у той —
 Что за тюрбанъ такой смѣшной!
 На этой палантинѣ прекрасной,
 Да полишалъ немпожко цвѣтъ
 У той же — что за туалеть!»

LX.

Такъ всѣхъ своихъ подругъ Лаура
 Перебирала : той, парадъ;
 Другой, не правилась фигура,
 Или прическа; словомъ, градъ
 Довольно колкихъ замѣчаній
 Лаура сынала на дамъ;
 Да и сама отъ эпиграммъ
 Не ускользнула : притязаній
 Тѣмъ находилъ въ ней самой —
 Быть первенствующей одной!.....

LXI.

И точно занята собою!
 Лаура, съ радостнымъ лицомъ,
 Окружена мужчиной толпою,
 Выслушивала, какъ кругомъ
 Ей комплименты рсточались,
 То прямо, то издаиска.
 И женщины, изподнижка,
 Съ досадою явной удивлялись,
 Какъ, въ эти мѣта, столько ей
 Имѣть поклонниковъ, ей-ей!.....

LXII.

Но, говорили межъ собою:
 Мужчины эти — чудаки!
 И такъ развратны, что толпою
 Къ такимъ безстыдницамъ въ сялки
 Летятъ охотно! нѣтъ имъ дѣла,
 Что въ эти лѣта ужъ не та,
 Что въ молодости красота;
 Морочить только бѣ ихъ умѣла.
 И этимъ тварямъ оттого,
 Прельщать, — не стоитъ ничего!

LXIII.

И въ правду, я не постигаю,
 Какъ женщины-кокетки..... Но
 Остановлюсь! не то, ужъ знаю,
 Накликать могъ бы, неравно,
 Всеобщее негодованье!
 Вотъ, если бѣ я аббатомъ былъ,
 Ужъ какъ бы тутъ заговорилъ!
 Но полно! и повѣствованье,
 Покамѣсть будемъ мы опять,
 Безъ отступленій, продолжать.

LXIV.

И такъ, когда всѣхъ озирая
 И пересмѣивая всѣхъ,
 Приличье даже забывая,
 Лаура возбуждала смѣхъ,
 И на себя тѣмъ обращала
 Вниманье общее: и въ ней
 Досада дамъ знакомыхъ ей,
 Тожъ недостатки замѣчала,
 И зависть, ѣдкимъ языкомъ,
 Ей вымѣщала — съ барышномъ.

LXV.

А между — тьма , въ толгѣ блестящей
 Первѣйшихъ щеголей предъ ней , —
 Съ благоговѣніемъ стоящей ,
 Какъ предъ Мадонною своею , —
 Одинъ — съ особеннымъ вниманьемъ ,
 Взоръ на Лауру устремлялъ ,
 И на минуту не спускалъ
 Съ нея очей ; своимъ молчаньемъ ,
 Онъ ловко роль свою игралъ :
 То Турокъ передъ ней стоялъ .

LXVI.

Лаура, съ тайнымъ восхищеньемъ,
 Имъ любовалась; онъ же былъ
 И смугль лицомъ, и обращеньемъ,
 Страхъ, какъ на Турка походилъ.
 А Турковъ любить полъ прелестный,
 Затѣмъ, что и они сыны
 Востока, пламенной страны.
 Прелестный полъ, какъ всѣмъ извѣстно,
 Престрастно любятъ; хоть ихъ жепъ
 Удѣлъ и больно не красенъ!

LXVII.

Да!... Турки съ женами своими ,
 Обходятся , — pardon, mes dames! —
 Какъ съ лошадьми, или другими
 Животными! По ихъ правамъ,
 Имѣть ихъ могутъ столько, сколько
 Душѣ угодно: тутъ идетъ
 Достатокъ каждаго въ расчетъ.
 Законныхъ же — четыре только
 Разрѣшено кораномъ ихъ;
 А то — сверхштатныя у нихъ.

LXVIII.

Они на рынкахъ ихъ скупають,
 И, подъ надзоромъ сторожей,
 Въ свои гаремы запирають,
 Гдѣ ужъ никто тогда не смѣй
 На нихъ взглянуть!... Родные даже
 Не могутъ съ ними говорить!
 Не правда ль, что не можетъ быть
 Ужъ ничего гнуснѣй и гаже
 Такихъ обычаевъ; что срамъ
 Стѣснять такъ волю бѣдныхъ дамъ.

LXIX.

Не весело турецкимъ женамъ
 Такую жизнь всегда вести,
 Гдѣ, равнодушный къ вздохамъ, стонамъ,
 Ихъ чернѣй свнухъ, въ заперти,
 Какъ аргусъ сторожить, не дремя,
 И безпрестанно, день и ночь,
 Долгъ исполняя свой точь въ точь.
 Чуть шорохъ — голову подѣмля,
 (Одинъ, имѣя входъ ко всѣмъ,)
 Обходить рундомъ весь гаремъ.

LXX.

И отъ такого заключенья,
 Всѣ, всѣ, бѣдняжки, до одной,
 Какъ въ душныхъ парникахъ растенья,
 Онѣ теряютъ вскорѣ свой
 Румянецъ, свѣжесть, и блѣднѣютъ!
 Да какъ бесѣды ни одинъ
 Не любить важный Муслеминъ,
 То жены ихъ и не имѣютъ
 Другихъ занятій, какъ — ѣсть, пить,
 Да наряжаться и любить.

LXXI.

Запрещено имъ даже чтение;
 И потому нельзя судить
 Имъ ни о чемъ, а въ сочиненье
 Пускаться, грамотными быть...
 Избави ихъ Аллахъ! и, стало,
 Итъ, между ними, ни одной
 Писательницы, чтобъ, порой,
 Въ чернилахъ пальчики марала,
 И умничала, какъ, не разъ,
 Встрѣчать случается у насъ.

LXXII.

И многихъ преимуществъ чужды,
 Какими, нашъ прелестный полъ,
 Не рѣдко пользуясь безъ нужды
 Съ приличіи колен сошелъ,
 Затворицы гаремовъ, только
 Своєю заняты красой,
 И въ міръ паукъ, для нихъ чуждой,
 Ужъ не запоятся нисколько;
 И потому, итъ между нихъ,
 Педагоговъ скучныхъ и пустыхъ.

LXXIII.

И сами Турки не умѣе,
 Непросвѣщенгвіи женъ своихъ:
 По нихъ — итъ ничего скучиѣ,
 Ученыхъ и безумныхъ книгъ!
 Да, кромѣ одного Корана,
 У нихъ и въ заведеніи итъ
 Книгъ, ни журналовъ, ни газетъ;
 Для нихъ пріятнѣи изъ кальяна
 Благоуханный дымъ пускать,
 И страстныхъ женъ своихъ ласкать.

LXXIV.

О, край невѣжества счастливый,
 Любви и лѣности страна!
 Отбросивъ лишь надзоръ ревнивый,
 Ты намъ златыя времена
 Напоминашь, какъ живали
 Когда-то, въ-старь, когда умы
 Не знали правственной чумы,
 И вздоровъ, вракъ не сочиняли,
 Какъ нынѣ многіе у насъ...
 Но станемъ продолжать разсказъ.

LXXV.

Не взоромъ, впрочемъ, мусульманскимъ
 Лауру Турокъ пожирали!
 Огъ, съ выраженьемъ христіанскимъ,
 Ей, будто, высказать желалъ:
 Я дѣлаю вамъ много чести,
 Любуясь вами! дайте жъ мнѣ
 Полюбоваться ужъ вполнѣ
 Красой, которою безъ лести
 Сказать вамъ, милая моя,
 Очаровали вы меня!

LXXVI.

И если только могутъ взоры
 Имѣть надъ женщиною власть,
 То этотъ Турка взоръ, который
 Такъ живо выражалъ всю страсть,
 Лауру долженъ былъ, конечно,
 Какъ разъ собою покорить!
 Но, слишкомъ трудно было сбить
 Ее съ пути..... и такъ сердечно
 Любила графа своего,
 Что — не боялась никого!

LXXVII.

Но разсвѣтатъ ужъ начинало.....
 Всѣмъ дамамъ, этою порой,
 Скорѣй, совѣтоваль бы, съ бала
 Спѣшить домой! Спѣшить домой!
 Не то, какъ солнце ихъ застапетъ
 Еще за танцами, когда
 Огни погасятся, — бѣда!
 Пускай тогда на нихъ кто взглянетъ,
 При блескѣ солнечныхъ лучей,
 Всѣ — самыхъ призраковъ блѣднѣй!

LXXVIII.

Изъ любопытства я, нерѣдко,
 Любилъ, бывало, до конца,
 На балѣ оставаться, мѣтко
 Подстерегая цвѣтъ лица
 Красавиць, въ полномъ смыслѣ слова;
 И что же? всѣ, увы! онѣ
 Прежалкими казались мнѣ,
 Отъ освѣщенія дневнаго!....
 Хотя бы выдержать одна
 Могла ночь съ танцами, безъ сна!

LXXIX.

Лаура жъ это очень знала,
 Что безразсудно было бѣ ей
 Остаться до послѣдка бала,
 Средь тысячъ пѣскомякихъ людей;
 И семь часовъ пробывъ тамъ сряду,
 Подумала: пора домой!
 Графъ подалъ шаль, и межъ толпой
 Ужъ пробралась..... но, на досаду,
 Своей гондолы отыскать
 Не могутъ, гдѣ должна бѣ ихъ ждать.

LXXX.

Всѣ эти плуты гондольеры,
 Страхъ, какъ на нашихъ кучеровъ
 Походить въ этомъ, и манеры
 Одной всѣ держатся: съ плотовъ
 И съ пристаней они сгоняютъ
 Другъ друга сплошь, и не хотятъ
 Ни шагу уступить, кричать,
 Бранятся, ссорятся; бываютъ
 И драки страшныя порой,
 Не хуже, какъ въ кулачный бой.

LXXXI.

И какъ полиція за ними
 Ни смотритъ строго, иногда,
 Не удержать ихъ никакими
 Ей средствами, такъ что бѣда!
 А даже часто достается
 Самой полиціи, отъ нихъ,
 Въ такихъ продѣлкахъ удалыхъ.....
 Зато, который попадется,
 Поплатится спиной своей,
 Чтобъ былъ въ другой разъ поумиѣй !

LXXXII.

Но вотъ уже, съ трудомъ не малымъ,
 Гондолу кой-какъ отыскавъ,
 Плыветъ по дремлющимъ каналамъ,
 Съ своей подругой страстный графъ;
 А между-тѣмъ, какъ будитъ волны
 Согласныхъ весель легкій шумъ,
 Они свой занимаютъ умъ, —
 Приятныхъ впечатлѣній полный, —
 Сравненьемъ баловъ, тѣхъ, другихъ,
 Какъ веселился на нихъ.

LXXXIII.

Танцоровъ, дамъ, и ихъ парлды,
 Все перебрали, и, притомъ,
 Кто на кого бросалъ тамъ взгляды.
 Но вотъ и день. — И предъ крыльцомъ
 Ужъ дома легкая гондола,
 Остановилась.... Но глядять,
 Съ Лаурою графъ, — и въ жаръ и въ холодъ
 Ее бросаетъ! Слабость пола!
 И здѣсь — въ нее свой взоръ вонзилъ
 Тотъ Турокъ, что на балѣ былъ.

LXXXIV.

Графъ бровь нахмурилъ, и съ досадою
 Поспѣшно подошелъ къ нему:
 Чего вамъ, сударь мой, здѣсь надо?
 Спросить я долженъ, потому,
 Что всюду слѣдомъ вы за нами!
 Но извѣстите.... Можетъ-быть,
 Ошибкой здѣсь..... Такъ пособить
 Весьма легко: вашъ путь предъ вами!
 Вы понимаете мещ?
 Не то, понять заставлю я!

LXXXV.

Не безпокойтеса напрасно!
 Спокойно Турокъ отвѣчалъ:
 Я знаю, гдѣ я. Вотъ прекрасно!
 Я у себя. Опъ продолжалъ:
 Угрозъ же не боюсь ни мало;
 И, какъ узнаете сейчасъ,
 Вотъ эта дама, подлѣ васъ.
 Моя жена!... Лица не стало
 Тутъ на Лаурѣ. О, испугъ!
 То Бенно! то ея суиругъ!

LXXXVI.

Въ подобномъ случаѣ иная,
 Услышавъ голосъ муженька,
 Упала бѣ въ обморокъ, не зная,
 Что дѣлать! Робость не ловка!
 Но смѣливой Италіянкѣ
 Не трудно, горю пособить;
 Ей ничего не нужно вить,
 Ни нюхать спиртъ въ граменной стѣлянкѣ.

LXXXVII.

Такъ и Лаура поступила:
 Ни слова не произнесла,
 Да только всѣхъ святыхъ молила,
 Чтобъ буря какъ-нибудь прошла!
 Но графъ, догадивъ чрезвычайно,
 Чуть незнакомецъ объяснилъ,
 Кто онъ — скорѣе пригласилъ
 Его въ покой, чтобъ случайно,
 Не сдѣлаться имъ всѣмъ порой, —
 Забавной сказкой городской!

LXXXVIII.

И вотъ вошли. Графъ, очеень знавъ
 Обыкновенье Мусульманъ,
 Подать велѣлъ, стулъ придвигая,
 Скорѣе кофе и кальянъ.
 Лаура, между-тѣмъ, подсѣла
 Поближе къ Турку, завела
 Съ нимъ разговоръ, какой могла,
 И быть любезною хотѣла,
 Стараясь гости занимать,
 Чтобъ не давать ему скучать.

LXXXIX.

Скажи же, Беппо, какъ, откуда
 Сюда ты прибылъ?... Но, теперь,
 Не иначе ль зовешься? Худо
 Не быть такъ долго.... я, повѣрь,
 Соскучась по тебѣ, чуть было
 Съ ума совсѣмъ я не сошла!
 Со дня на день тебя ждала.
 Какую жъ бороду, мой милой,
 Ты отростилъ! О, признаюсь,
 Я на тебя не надивляюсь!

XC.

Неужли сталъ ты, въ самомъ дѣлѣ,
 Ужъ Турокъ?... Стало, и сераль
 Завелъ ты? Много ль женъ доселѣ?
 По что за шаль! вотъ прелесть шаль!
 Мнѣ подарить се, конечно?
 Да правду ль говорятъ про васъ,
 Что вы, — я слышала не рѣзь, —
 Народъ такой безчеловѣчной!
 Женъ держите вы въ заперти,
 И строги, Боже васъ прости!

XCI.

Но гдѣ жъ ты былъ все это время?
 Что дѣлалъ? расскажи скорѣй!
 Да какъ ты пожелтѣлъ! А темя
 Ужъ, вѣрно, выбрито!... сй-сй,
 Ты настоящій Мусульманинъ!
 Но бороду ты долженъ сбрить;
 Здѣсь не зачѣмъ ее носить,
 Не холодно у насъ, и страненъ
 Ты съ этой длинной бородой.....
 Да склинь и свой парядъ смѣшной!

XIII.

А то, пожалуй, кто ни встрѣтитъ
Тебя на улицѣ со мной,
Смѣяться будетъ..... Да ужъ свѣтитъ
И просьба у тебя, другъ мой!...
Какъ постарѣлъ ты съ дня разлуки!
Ахъ! если бѣ зналъ ты, какъ и я
Пережила безъ тебя?
Такъ было грустно, что со скуки,
Хоть умереть! Но наконецъ
Привелъ тебя сюда Творецъ!

XIII.

Такъ все Лаура говорила.
Но что ей Беппо отвѣчалъ, —
Когда вопросами душила, —
Не знаю. Чуть ли не молчалъ,
Свободу полную давалъ
Какъ лава льющимъ рѣчамъ,
Да только дымъ, по временамъ
Клубами на нее пуская,
Вить-можетъ, на судьбу ропталъ.
Что долго дома не бывалъ.

XIV.

Но вскорѣ разказалъ ей Беппо,
Про приключенія свои,
Какъ былъ онъ, бурею свирѣпой,
Заброшенъ на берегъ земли,
Гдѣ нѣкогда стояла Троя;
Но гдѣ ни камешка теперь
Нѣтъ отъ нея, и даже звѣрь
Не знаетъ скрыться гдѣ отъ зноя;
Да какъ въ неволю онъ попалъ,
И бастонаду получалъ.

XCV.

Но, наконецъ когда пристала
 Въ заливъ сосѣдній, на грабежъ,
 Пиратовъ шайка, — онъ ни мало
 Не думая, пристагъ къ нимъ тожъ,
 И сдѣлался тамъ ренегатомъ;
 Жизнь удачную полюбилъ;
 Когда жъ богатствъ онъ наполнилъ,
 Про край свой вспомнилъ, и пиратомъ
 Все только рыскать по морямъ,
 Скучать ужъ сталъ по временамъ.

XCVI.

Тутъ сталъ онъ рѣже заниматься
 Такимъ постыднымъ ремесломъ;
 По малу началъ удаляться
 Отъ буйной братьи, и, потомъ,
 Когда, какъ Крузое, корою,
 Одинъ по острову бродилъ,
 Нашелъ корабль, что въ Корфу плылъ.
 Его онъ панялъ, и съ собою
 Богатство все свое забравъ,
 Пустился въ море, цѣль и здравъ.

XCVII.

Корабль былъ легкій и уютный,
 Летѣлъ стрѣлою по волнамъ;
 Подъ парусъ вѣтеръ дулъ попутный,
 И вскорѣ, жаждущимъ глазамъ,
 Брега Корфу во тьмѣ предстаи ....
 Тутъ Бенно, вѣдая о томъ,
 Что если бы въ Корфу объ немъ,
 Что ренегатомъ былъ, узнали,
 Была бь бѣда! назвался онъ
 Купцомъ турецкимъ. — Былъ смѣшнень.

XCVIII.

И этой хитростью одною
 Избавясь тамъ отъ всякихъ бѣдъ,
 Ведомый счастливой звѣздою,
 Вотъ прибылъ, послѣ многихъ лѣтъ,
 Въ свою Венецію родную,
 Отыскивать свои права,
 На домъ свой, вѣру; по сперва
 На млую жепу младую,
 Съ которою такъ долго онъ
 Былъ, по несчастью, разлученъ.

XCIX.

Хотя жъ, сначала, и смутился,
 Но, вскорѣ, онъ утѣшенъ былъ;
 Съ своей Лаурой помпирлся
 И тотчасъ шаль ей поларилъ.
 И счастью радуясь отъ сердца,
 Что вновь на родинѣ своей,
 Нашелъ жену, нашелъ друзей,
 Онъ въ тотъ же день всю шовѣрца
 Одежду скинулъ, и, одѣтъ
 Прилично,—задалъ всѣмъ обѣдъ.

C.

По всей Венеціи богатый
 Счастливецъ Белпо прогремѣлъ;
 Его забытыя палаты
 Вдругъ оживились: онъ умѣлъ
 Друзей угашивать столами.
 Пошли обѣды, вечера,
 Гдѣ веселились до утра;
 За танцами, да за шрами,
 Надъ добрымъ Белпомъ, гозорятъ,
 Смѣялись.... Но онъ былъ богатъ!

С I.

Да, впрочемъ я не вѣрю слѣпо
 Всему, что люди говорятъ.
 И такъ, всѣ толки прочь! А Бенно
 Былъ рѣдкой человѣкъ: онъ радъ
 Былъ всякому, кто только руку
 Ему пожатъ, да и, притомъ,
 Какую, на вѣку своею,
 Извѣдалъ всякихъ золь науку!
 Зато, подъ старость, наконецъ,
 Прямой онъ сдѣлался мудрецъ!

С II.

Во всемъ судьбѣ своей послушный,
 Насмѣшекъ онъ не примѣчалъ,
 И толки свѣта равнодушно,
 Добрякъ, сквозь уши пропускалъ.
 Любилъ Лауру очень нѣжно,
 Ее разсказами смѣшилъ;
 А хоть, порой, и мраченъ былъ,
 Все жилъ довольно безмятежно;
 Что жъ удивительнѣй всего:
 Графъ первымъ другомъ былъ его!

С III.

Разсказъ мой конченъ! За терпѣнье
 Благодарю васъ, господа!
 Хотя читатель, безъ сомнѣнья,
 За отступленье иногда,
 Нахмури брови и зѣвалъ,
 Конца ужъ ожидалъ давно.
 Но вѣрьте: право, мудрено
 Порой бываетъ, развивая
 № 4. Отд. IV.

Разказъ свой, мысли удержать
И за черту не проскакать.

В. Любимъ-Романовичъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

=

СТО ДНЕЙ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НАПОЛЕОНА СЪ ОСТРОВА ЭЛЬБЫ.

—

СОЧИНЕНІЕ КАФЕНГА *.

—

Современная исторія дала названіе *Ста дней* періоду отъ 20 Марта 1815, — выѣзда Людовика XVIII изъ Парижа, — до вторичнаго возстановленія дома Бурбоновъ, 8 Юля, того же года. Названіе это не слѣдствіе философической идеи или какой-нибудь классификаціи партій: оно произошло просто отъ одной фразы сенскаго префекта, господина де-Шаброля, который привѣтствовалъ короля Людовика, при возвращеніи его въ столицу, и назвалъ «сотнею дней» время отсутствія Бурбо-

* *Les Cent Jours*, par M. Carafigue. Paris, 1841. 8°. Двѣ части.
№ 4. Отд. V.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Часть II.

№ 4. — АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1842.